

Глава 4

В наступившей мертвой тишине голос Чу Вэя прозвучал до того неожиданно, что все присутствующие разом обернулись к нему.

Не стал исключением и старый даос, который как раз собирался начать обряд.

Чэн Даню среагировал мгновенно. Испугавшись, как бы друг не ляпнул лишнего, он тут же зажал ему рот ладонью.

Даос смерил мальчишку строгим, пронизательным взглядом. На его худощавом лице застыло выражение благочестивого превосходства — казалось, он попросту презирает глупую детскую болтовню. Однако смотрел он на подростка явно недружелюбно.

— Чу Вэй, мал еще такие глупости болтать! — тут же прикрикнул на него староста. — А ну замолчи!

Он поспешно выступил вперед и, отчитав парня, заискивающе улыбнулся даосу.

— Дитя неразумное, почтенный даочан, не обращайтесь внимания. Пожалуйста, продолжайте.

Один из стоявших рядом полицейских тоже недовольно поморщился, раздраженный тем, что мальчишка лезет не в свое дело в самый неподходящий момент.

— Если и дальше будете мешать мастеру, пеняйте на себя, — проворчал он себе под нос. — Если дело сорвется, мы умываем руки.

— Что вы, что вы, ни в коем случае! — замахал руками староста.

Даос взмахнул зажатой в руке мухоголкой-фучэнем и неторопливо отвел взгляд, всем видом демонстрируя истинно монашеское великодушие.

Чу Вэй с силой отдернул от своего лица чужую ладонь и сердито зыркнул на Чэн Даню.

Тот сразу сжался под этим взглядом, но все равно принялся торопливо нашептывать на ухо другу:

— Да ладно тебе, Вэйвэй. Смерть дяди Чжана — дело темное. Этого даоса сами полицейские привезли, уж они-то проходимца звать не станут. Помолчи лучше, а то староста опять разорется.

Чу Вэй скрестил руки на груди и промолчал, хотя его изящное бледное личико заметно помрачнело. Всем своим видом он выражал крайнее недовольство. В конце концов, он не нанимался спасти этот мир и выступать в роли всепрощающего святого. Хотят верить шарлатану? Скатертью дорога.

Стоило толпе утихнуть, как лже-мастер приступил к ритуалу.

Зажав между пальцами ярко-желтую бумажную полоску талисмана, он совершил несколько пассов — и бумага вдруг вспыхнула сама собой, без всякого спичечного огня. Собравшиеся ахнули, завороченно глядя на это маленькое чудо. Резким жестом даос подбросил горящую бумагу вверх, подхватил со стола персиковый меч и точным движением насадил ее на острие. Следом он зачерпнул горсть риса и широким взмахом швырнул его в воздух. Крупинки белым дождем посыпались на землю.

Даос набрал в рот воды из чаши и шумно брызнул на клинок. Огонь на конце меча с шипением рванул вверх, полыхнув так ярко, что люди невольно зажмурились. В ту же секунду по двору пронесся резкий, леденящий порыв ветра, вздымая сухую палую листву и закручивая ее в безумном хороводе.

— Ох, мамочки, холодина-то какая напозла... — прошептал кто-то в толпе.

— И не говори, аж мурашки по коже.

— Ну и силища у мастера! Настоящий бессмертный!

Теперь у селян не осталось ни малейших сомнений. Они затаили дыхание, во все глаза наблюдая за священным действием.

Опустив меч, даос забормотал какую-то абракадабру, которую никто не мог разобрать, и ловким движением выхватил из рукава медный колокольчик. Он резко потряхнул им трижды. Звонкий металлический перелив трижды вспорол повисшую тишину. И ветер в то же мгновение стих, будто его и не было.

Чу Вэй хватило одного взгляда, чтобы понять, как этот шарлатан ухитрился обвести вокруг пальца даже городских полицейских. Кое-какие трюки он действительно знал, вот только к настоящему изгнанию нечисти они не имели никакого отношения. Обычное фокусничество и дешевый фарс. Та бумажка, что сгорела у него в пальцах, — обычный Талисман Призыва Ветра, самый простецкий и примитивный. С его помощью вызвать резкий сквозняк проще простого, а уж если обставить все театральными жестами и завываниями, для несведущего человека зрелище выйдет на редкость убедительным. Местные деревенские жители — простые, бесхитростные люди — отродясь не сталкивались с подобным. Неудивительно, что они повелись на эту дешевку.

Вдруг старый даос громогласно взревел:

— А ну, яви свой лик, тварь окаянная!

С этим криком он резко выбросил вперед руку с персиковым мечом. Клинок замер в пустоте, словно наткнулся на невидимое препятствие. Запястье даоса мелко задрожало, на лбу вздулись багровые вены, а лицо исказилось от нечеловеческого напряжения — актер усердно изображал смертельную схватку с невидимым призраком.

Сквозь плотно сжатые зубы он хрипло выдавил:

— Это... мстительный дух! Пришел за долгами... забирать жизни! Силен, проклятый! Назад! Все назад, иначе он погубит вас!

Селянам дважды повторять не пришлось. Толпа с визгом ломанулась назад, давя друг другу ноги в страхе навлечь на себя гнев потусторонней твари. И только Чу Вэй остался стоять на прежнем месте как вкопанный.

Чэн Даню в панике притопнул ногой и, преодолевая ужас перед возможным проклятием, ринулся вперед. Схватив друга за руку, он силой утащил его за собой в безопасную зону.

— Ты совсем без башни?! — шипел он, испуганно оглядываясь. — Не слышал, что мастер сказал? Там же злобный дух!

Чу Вэй нехотя переставил ноги, наблюдая за тем, как обливающийся потом шарлатан увлеченно сражается с пустотой.

— Думаю, если бы он пошел в актеры, заработал бы куда больше, — со вздохом заметил парень.

— Замолчи ради всего святого! — взмолился Даню. Он уже верил каждому слову мошенника и готов был хоть сейчас пасть ниц перед великим избавителем. И точно такое же благоговение испытывала вся остальная деревня.

Когда толпа рассредоточилась на безопасное расстояние, даос подпалил еще одну желтую бумажку и швырнул ее перед собой. Воздух с треском прорезала яркая вспышка, после чего все окончательно стихло.

Опустив меч, «избавитель» устало отер пот со лба и с глубоким вздохом бессилия опустился на заранее приготовленный стул.

Селяне растерянно переглядывались.

— Что, неужто всё?.. — робко спросил кто-то из задних рядов.

— Должно быть. Видишь, мастер убрал оружие.

В этот момент даос поднялся на ноги, показывая, что восстановил силы. Он обвел собравшихся величавым взглядом, плавно взмахнул фучэнем и изрек с неземным спокойствием:

— Мстительный дух изгнан. Отныне вам ничто не угрожает.

— Правда?! — прокатился по толпе вздох облегчения.

— Слава небу, свершилось!

— Только Лао Чжана жалко... Такой молодой еще, жить бы да жить, а тут эта нечисть на его голову...

— От судьбы не уйдешь. Кому суждено сгинуть, тот сгинет.

Погоревав для приличия, селяне почувствовали, как с души свалился огромный камень. Ведь если бы злой дух остался в деревне, беды было бы не миновать. Кто знает, чью жизнь он забрал бы следующей?

Заметив, что его авторитет взлетел до небес, мошенник поспешил закрепить успех:

— Хоть тварь и повержена, но посмертная обида дяди Чжана все еще сильна. Я останусь в вашей деревне на семь дней, чтобы провести заупокойные службы и помочь его душе мирно уйти на перерождение. Если у кого-то из вас возникнут нужды или вопросы — старый даос всегда к вашим услугам.

Услышав это, люди пришли в неописуемый восторг. Иметь под боком настоящего мастера, способного совладать с чертовщиной, — величайшая удача и гарантия полной безопасности.

Чэн Даню мертвой хваткой вцепился в плечо друга и принялся восторженно его трясти:

— Чу Вэй! Слышал? Слышал, что он сказал?! Слушай, а давай отведем его к той роще? Вдруг он выследит тварь, которая напала на нас утром?!

От этой тряски у Чу Вэя заломило виски. Он аккуратно убрал с себя чужую пятерню и с самым серьезным видом спросил:

— Даню, ты знаешь продолжение фразы «наглый проходимец»?

Тот непонимающе моргнул:

— Какое еще продолжение?

Чу Вэй щелкнул его по лбу:

— И дешевый трюкач. Голова ты садовая.

Впрочем, скепсис друга несколько не убедил. Даню оскорбленно надулся:

— Ничего ты не понимаешь! Мастер вон какое чудо сотворил! Если он нам поможет, не грех и заплатить. Любой труд должен вознаграждаться.

Чу Вэй лишь горько усмехнулся:

— Ну-ну. Дело твое.

Неожиданно для всех он решительно шагнул вперед, выходя из толпы. Его чистый, звонкий голос мгновенно заглушил перешептывания селян:

— Почтенный даочан, позвольте спросить: что же это за мстительный дух, который сжил со света дядю Чжана?

Даос скользнул по нему взглядом. На лице его по-прежнему блуждала маска благочестивой безмятежности, однако в глазах на миг вспыхнула нехорошая, колючая настороженность. Он явно не желал снисходить до разговора со шпиком-недоростком и небрежно отмахнулся:

— Мал ты еще, отрок, о таких вещах расспрашивать. Иди лучше уроки учи, не забивай голову взрослой чепухой.

Но уступать Чу Вэй не собирался. Он сделал еще шаг вперед:

— Неужели мастер, самолично одолевший нечисть, даже не знает, с кем имел дело? Как же нам быть уверенными, что изгнанная вами тварь — это именно тот убийца, что утащил на тот свет дядю Чжана?

Прямой вопрос заставил разгоряченную толпу призадуматься. Люди притихли, осознав резонность его слов. Всем и вправду стало любопытно: что же это за монстр повадился губить невинные души и не вернется ли он вновь?

Староста уже набрал в грудь воздуха, чтобы приструнить наглеца, но вовремя прикусил язык. Расспросы из уст ребенка — дело удобное. Если мастер рассердится, всегда можно списать все на детскую глупость и замять неловкость. Зато сейчас они услышат ответы на самые важные

вопросы.

Поняв, что от него не отстанут, даос недовольно фыркнул:

— Ну хорошо, раз уж тебе так не терпится узнать, слушай. Этот мстительный дух некогда был жителем вашей же деревни. А уж какие грехи таит в себе это место, вам, почтенные, знать лучше моего. Или вы хотите, чтобы старый даос вытащил все ваше грязное белье на всеобщее обозрение?

Чу Вэй нахмурился. Сколько он себя помнил, в их глуши никогда не происходило ничего из ряда вон выходящего. О каких тайнах толкует этот прохвост?

Стоило парню открыть рот для нового вопроса, как староста коршуном метнулся к нему и злобно зашипел:

— Хватит с тебя, Чу Вэй! Да откуда тебе, сопляку, знать, какие дела вершит великий мастер?! Живо домой! Если сию секунду не уберешься, я все твоему деду расскажу!

Чу Вэй пристально посмотрел на мужчину. На лице старосты застыл откровенный испуг — он явно боялся, что приезжий монах сболтнет лишнего. В этом и заключался излюбленный прием всех мошенников — тонкая психологическая манипуляция. Если скелетов в шкафу у жертвы нет, обманщик всегда может выдать туманное пророчество, а расспрашивая дальше, легко подстроиться под обстоятельства. Ну а если в прошлом действительно скрывался какой-то грешок... Что ж, тогда реакция жертвы в точности повторяла нынешнее поведение перепуганного старосты.

Лже-даос победоносно зыркнул на Чу Вэя и небрежно перебросил фучэнь с руки на руку. Этот жест так и сквозил издевкой напополам с недвусмысленным предупреждением.

— Чу Вэй, ну не упрямысь, иди сюда, — слышались неодобрительные голоса старожилов. — Ты же у нас мальчик вежливый, зачем зря почтенного человека гневить?

Местные старики наперебой принялись журить парня, уговаривая не перечить священнослужителю.

Чэн Даню снова бочком подобрался к нему и умоляюще зашептал:

— Пошли отсюда, Вэйвэй. Какая разница? Беду ведь отвели. А если он рассердится и откажется отпевать дядю Чжана? Что тогда делать будем?

Внутри у Чу Вэя все так и клокотало от глухого раздражения. Он лишь сухо хмыкнул, развернулся и зашагал прочь.

Но перед тем как окончательно уйти, парень обернулся и посмотрел на даоса. Точнее — на фигуру, безмолвно парящую у того за спиной. Это был дядя Чжан.

Мертвец был бледен как полотно, а его лицо застыло маской безразличия. Но в ту секунду, когда их взгляды встретились, призрак медленно поднял голову. Мутные, лишенные зрачков бельма уставились прямо на Чу Вэя.

Губы Чу Вэя беззвучно шевельнулись. После этого он бесцеремонно сцапал Чэн Даню за рукав и увлек за собой подальше от людского сборища.

Даню поначалу порывался остаться и досмотреть представление, но, глянув на помрачневшее лицо друга, благоразумно решил не нарываться. К его удивлению, Чу Вэй направился вовсе не к своему дому, а зашагал напрямик к окраине деревни.

— Вэйвэй, мы куда вообще? — запыхавшись, спросил друг.

— К безумному дедушке, — не оборачиваясь, бросил тот. — Нужно кое-что разузнать.

— Чего?! — вылупил глаза Даню.

Тем временем на освободившемся пяточке лже-даос вовсю развернул торговлю своими услугами. Селяне быстро выстроились в длинную, шумную очередь. Всем что-то было нужно: кому судьбу предсказать, кому защитный амулет справить, кому на суженого поворожить или о прибавлении в семействе попросить. Людской поток иссяк лишь с наступлением глубоких сумерек. Напоследок договорившись встретиться завтра на рассвете, довольные жители наконец разошлись по домам.

Прикомандированные полицейские тоже разъехались, оставив для порядка лишь двух дежурных.

Семья дяди Чжана по деревенским меркам считалась зажиточной — у них был большой, добротный двухэтажный дом. Гостей — даоса и двух стражей порядка — определили на ночлег в комнаты второго этажа. Весь просторный холл первого яруса, где теперь покоился гроб с телом усопшего, по заверению мастера, в целях упокоения души щедро заклеили желтыми бумажными лентами с охранными письменами.

Никто и помыслить не мог, что глубокой ночью тишину спящей деревни внезапно разорвет истошный, леденящий душу вопль.